FORVM GEOPOLITICA
Independent Commentary on a Fractured World

«Следующая война с США будет короткой и разрушительной», — прогнозирует иранский стратег

Сейед Мостафа Хошчешм заявляет, что ответ Ирана выйдет далеко за пределы региона, что третий раунд противостояния станет последним и что мир переживает «мучительное рождение» нового мирового порядка.

Марко Фернандес

срд 04 ноя 2026 34 мин. чтения

И в Тегеране, и в Вашингтоне ожидают одного и того же: новый этап войны США и Израиля против Ирана может начаться сразу после промежуточных выборов в США 3 ноября. В субботу, 31 октября, верховный лидер Ирана Моджтаба Хаменеи впервые встретился с высшим командованием Вооружённых сил и приказал немедленно и эффективно реагировать на любую угрозу, не ограничивая ответные

действия географическими рамками, сообщает Tehran Times. В самом Вашингтоне представители истеблишмента сомневаются в целесообразности этого плана. Financial Timesпобеседовала с бывшими высокопоставленными американскими военными, которые считают, что ни один из вариантов нанесения ударов не приведёт к свержению иранского правительства. При этом, по данным Исследовательской службы Конгресса США, американские вооружённые силы уже потеряли 81 самолёт либо получили повреждения этой техники, а также понесли потери в размере 21 погибшего военнослужащего.

Именно в такой обстановке в середине октября в штаб-квартире Fars Media в Тегеране меня принял Сейед Мостафа Хошчешм — ведущий иранский аналитик и стратег. Мы беседовали почти два часа за чаем и иранскими сладостями, и он не скупился на прогнозы. «Со стороны США эта война будет короче предыдущей, но гораздо более интенсивной, — заявил он. — На этот раз Иран считает, что никаких ограничений быть не должно, и постарается нанести Соединённым Штатам максимально возможный ущерб». Три недели спустя приказ Хаменеи прозвучал словно отголосок нашего разговора.

По мнению Хошчешма, Дональд Трамп лишился своего главного оружия, которым всегда пользовался. «Он всегда побеждал своих противников, идя на эскалацию и используя тактику безумца. Но на этот раз он лишился этого козыря. Теперь уже Иран делает ставку на эскалацию, чтобы положить конец всему противостоянию». Хошчешм предупреждает, что ответ Ирана может распространить войну на Индийский океан и затронуть «страны, которые они даже не могли себе представить». При этом в руках Ирана, по его словам, находится оружие, «в миллионы раз более мощное, чем атомная бомба»: «С помощью атомной бомбы можно нанести удар по одной стране один раз. А с помощью Ормузского пролива можно многократно оказывать воздействие на всю планету».

По его мнению, эта война — часть гораздо более масштабного процесса. 2020-е годы станут десятилетием «мучительного рождения» нового мирового порядка, связанного с переходом власти от Запада к Востоку. Однако империя во главе с США «не намерена так просто сдавать свои позиции». Хошчешм прогнозирует, что в результате этого процесса в мире не останется ни одной сверхдержавы, но сформируются четыре крупные державы — Китай, Индия, Россия и Иран. Потерпев поражение в Иране, Вашингтон, по его мнению, сделает ставку на гибридную войну против Китая, в том числе с применением биологического оружия.

Однако главный источник уверенности Ирана Хошчешм видит не в военных арсеналах, а в вере. Он рассказывает, как в его районе на востоке Тегерана жители, стоя перед своими разрушенными бомбардировками домами, говорили: «Это ничто

по сравнению с тем, через что прошёл Хусейн». Имам Хусейн, внук пророка Мухаммеда, был убит в 680 году в битве при Кербеле на территории современного Ирака. Вместе с небольшой группой сподвижников он противостоял гораздо более многочисленной армии. Его мученическая смерть занимает центральное место в шиитской традиции и самосознании. По мнению Хошчешма, именно этого Запад так и не смог понять. Ниже приводится интервью.

Третий раунд — и последний

Многие здесь, в Тегеране, ожидают нападения до выборов в США 3 ноября. Вы также прогнозировали третью войну, гораздо более разрушительную, последствия которой выйдут далеко за пределы региона. На что рассчитывают Израиль и Соединённые Штаты? И как должен отреагировать Иран?

Дональд Трамп не всегда способен достаточно трезво мыслить стратегически, поэтому он может нанести удар ещё до выборов. Однако гораздо вероятнее, что он сделает это после выборов, особенно если потерпит поражение. Скорее всего, республиканцы утратят большинство в Палате представителей. Если это произойдёт, то, поскольку нынешний состав Конгресса продолжит работу ещё два месяца, Трамп, вероятнее всего, начнёт военную операцию где-то в конце ноября или начале декабря.

Я полагаю, что со стороны США эта война будет короче предыдущей, но гораздо более интенсивной. Каким бы ни было нападение — полномасштабная война, точечные ликвидации или удары по отдельным целям, — ответ Ирана будет означать полномасштабную войну, которая выйдет далеко за пределы региона: за пределы Йемена, Баб-эль-Мандебского пролива [пролив между Йеменом и Африканским Рогом, ведущий в Красное море] и даже за пределы «Оси сопротивления» [региональный альянс во главе с Ираном, включающий ливанскую «Хезболлу», йеменское движение «Ансар Аллах», иракские вооружённые группировки и палестинские организации]. Иран полон решимости положить конец этой войне. Третий раунд противостояния может начаться в ближайшие месяц-два, и он станет последним. Одна из сторон одержит верх и положит конец всему противостоянию.

На каком этапе сейчас война?

Мы прошли несколько этапов. Первым был «уничтожение руководства» — первоначальное наступление со стороны Соединённых Штатов, которое закончилось неудачей. Затем последовал этап второго удара — ответ Ирана. После

этого было заключено Исламабадское соглашение [перемирие от апреля 2026 года, достигнутое при посредничестве Пакистана], которое положило начало третьему этапу — этапу экономического и политического выжидания с обеих сторон. Сейчас мы только что вступили в четвёртый этап: обе стороны готовятся к последнему раунду — чрезвычайно кровопролитной войне.

Каждая из сторон стремится определить три ключевых момента. Первый — когда начнётся война. Второй — где будут разворачиваться боевые действия: США хотят ограничить их территорией Ирана, тогда как Иран намерен расширить географию конфликта. Третий — какой ценой обойдётся эта война.

Когда вы говорите «за пределами региона», имеете ли вы в виду, например, американскую военную базу на острове Диего-Гарсия [в архипелаге Чагос в Индийском океане] или даже Европу?

Я не могу этого сказать, но могу заверить вас, что они будут удивлены, столкнувшись с Ираном там, где его никогда прежде не было. Им придётся противостоять Ирану в Индийском океане, в далёких морях и в странах, о которых они даже не могли подумать. Иран максимально задействует все имеющиеся в его распоряжении средства, включая новейшие поколения ракет и беспилотников, которые до сих пор не применялись в широких масштабах, а использовались лишь в ходе испытаний.

И наконец, вопрос цены. В предыдущих войнах — 12-дневной [июнь 2025 года] и 40-дневной [февраль — апрель 2026 года] — Иран стремился контролировать эскалацию, нанося ответные удары, которые были недостаточно болезненными, чтобы спровоцировать более масштабную войну. На этот раз Иран считает, что никаких ограничений быть не должно, и постарается нанести Соединённым Штатам максимально возможный ущерб.

Соединённые Штаты это понимают. Они не могут допустить, например, полного перекрытия Баб-эль-Мандебского пролива, который сегодня закрыт только для саудовских судов. Если американцы привлекут британцев и французов, которые пообещали участвовать в оборонительных операциях, то, полагаю, те направятся не в Ормузский пролив, а разместятся в районе Баб-эль-Мандебского пролива для защиты энергетических интересов Саудовской Аравии. Если это произойдёт, йеменцы сами перекроют Баб-эль-Мандебский пролив. Сегодня, после своих недавних побед, они обладают для этого большими возможностями, чем когда-либо прежде.

Иран предупредил, что на этот раз его ответные действия будут несоразмерно жёсткими. Когда вы наносите удар по танкеру, то принимаете все меры предосторожности, чтобы не допустить гибели моряков, поскольку ваша цель — лишь заставить судно изменить курс. Но в условиях полномасштабной войны никто ничего не может гарантировать. Будет пролито много крови.

Дональд Трамп всегда побеждал своих противников, прибегая к эскалации и используя тактику безумца. Но на этот раз он лишился этого козыря. Теперь уже Иран делает ставку на эскалацию, чтобы раз и навсегда положить конец противостоянию. Ещё несколько недель назад всякий раз, когда Иран атаковал суда, пытавшиеся незаконно пройти через пролив, Соединённые Штаты отвечали на эти действия. Однако уже несколько недель Иран наносит удары по танкерам, а США никак не реагируют. Это показывает, что американцы не хотят идти на эскалацию с непредсказуемыми последствиями. Кроме того, война будет короче, поскольку у Соединённых Штатов больше нет достаточных запасов боеприпасов. Но при этом она будет разрушительной.

Выстоять в условиях блокады

Одним из направлений иранской стратегии является экономическая война, которая наносит ущерб Соединённым Штатам, Западу, а также азиатским союзникам США, таким как Япония и Южная Корея. Но и сам Иран несёт потери: экспорт нефти сократился, наблюдается инфляция. В военной сфере даже американские аналитические центры признают преимущество Ирана. А что касается экономики — насколько долго Иран сможет выдерживать такое давление в ближайшие три-четыре месяца?

Всё зависит от того, с чьей точки зрения смотреть. Если верить Скотту Бессенту [министру финансов США], наша экономика должна была рухнуть ещё вчера, но этого не произошло. Иран находится под санкциями уже четыре-пять десятилетий и научился их обходить — иногда незаметно, а иногда намеренно привлекая к этому внимание.

Иран — огромная страна с населением от 80 до 90 миллионов человек, граничащая с 15 государствами, с девятью из которых у него есть сухопутная граница. Установить настоящую блокаду такой страны практически невозможно. С момента начала блокады после заключения Исламабадского соглашения Иран предпринял множество шагов по активизации трансграничных связей с Пакистаном, Афганистаном, Азербайджаном, Туркменистаном, Россией, Турцией и Ираком. Железнодорожные и автомобильные перевозки получили развитие, однако их потенциал ещё далеко не исчерпан.

В том числе и ж/д маршрут, напрямую связывающий Иран с Китаем.

Совершенно верно. Это не означает, что Иран не испытывает трудностей. Санкции причиняют ощутимый ущерб, но иранцы научились справляться с ними и продолжать жить обычной жизнью. Достаточно взглянуть на улицы Тегерана: люди делают покупки, ходят по магазинам. Иностранные высокопоставленные гости, в том числе европейцы, приезжают сюда и удивляются. Один немецкий представитель признался нашим официальным лицам, что не понимает, как в стране может продолжаться нормальная жизнь. Ведь в их представлении страна, пострадавшая от войны, должна выглядеть как южный Ливан, Сирия или сектор Газа.

24 января 2026 года — улица Тегерана, Иран. Xinhua.

Инфляция остаётся высокой, война требует немалых затрат — отрицать это невозможно. Однако эта война повысила способность иранского народа переносить трудности и помогла людям отбросить разногласия. Перед лицом внешней угрозы одни народы раскалываются и терпят поражение, а другие сплачиваются вокруг национального флага, как это происходит здесь каждый вечер. В те ночи, когда мы запускаем ракеты, на улицах собирается ещё больше людей.

За плечами иранцев 7000 лет цивилизации и 2500 лет имперской истории. Они пережили монгольское нашествие, арабское завоевание и оккупацию и знают, как выстоять и дать отпор. У Ирана ещё немало козырей, которые он пока не задействовал, тогда как Соединённые Штаты уже разыграли все свои карты:

кибератаки, убийства, бомбардировки, ликвидацию генералов, руководителей и учёных, удары по городам и даже школам, как это произошло в Минабе [город в провинции Хормозган на юге Ирана]. Именно поэтому иранцы считают, что третий раунд противостояния будет им на руку: он позволит окончательно завершить конфликт, причём победителем выйдет Иран. Эта уверенность помогает людям переносить экономические трудности.

От потрясения к возмездию

Я был здесь в ноябре прошлого года и замечаю, что сейчас люди чувствуют себя гораздо увереннее. Тогда они пережили 12-дневную войну, но экономическая ситуация оставалась тяжёлой. В декабре начались протесты, которые первоначально были вполне обоснованными — это признавал и сам верховный лидер [аятолла Али Хаменеи, занимавший этот пост с 1989 года до гибели в результате удара в феврале 2026 года]. Однако впоследствии протесты оказались под влиянием Запада и сионистов. Сегодня ситуация ещё сложнее, но люди говорят: «Мы выстоим, наше руководство знает, что делать». Чем объясняется такая уверенность?

Потому что они пережили две войны подряд. В первой они потеряли своих высших военачальников, а во второй, 40-дневной войне, — своего верховного лидера. Иногда гибель лидера приводит к тому, что народ теряет волю к сопротивлению и капитулирует. Именно на это и рассчитывал Дональд Трамп. Но бывает и наоборот: потеря лидера побуждает людей к мести. Именно это и произошло на второй и третий день войны. Гибель верховного лидера, ставшего мучеником, потрясла страну. Однако вместо того, чтобы смириться с произошедшим, иранцы вышли на улицы, требуя отомстить за его кровь. И они продолжают делать это до сих пор.

Это глубоко укоренено в иранском мировоззрении. Если исходить исключительно из политических и экономических факторов, как в случае с любой другой страной, Иран должен был пасть в первые пять дней прошлогодней 12-дневной войны или 40-дневной войны этого года. Но этого не произошло благодаря двум основам иранского мировоззрения. Первая — шиитский ислам и история имама Хусейна [внука пророка Мухаммеда и третьего шиитского имама] в Кербеле [битва 680 года на территории современного Ирака, в которой Хусейн и его сподвижники были убиты войском халифа]. Вторая — иранская национальная идентичность. Достаточно обратиться к иранским мифам, чтобы понять, что многие иранцы обладали таким же мировоззрением ещё 2000 лет назад, задолго до появления ислама. Именно поэтому они так горячо приняли шиитский ислам и почитание имама Хусейна: ведь в основе лежат одни и те же ценности.

Ариобарзан — герой, потерпевший поражение

Что это за мифы и как они перекликаются с шиитской культурой и историей имама Хусейна?

История имама Хусейна, безусловно, играет более важную роль в иранском сопротивлении. Но ещё до его появления иранская цивилизация переживала периоды расцвета и упадка, и у иранцев были свои легендарные герои, которых они глубоко почитали. Один из них — Ариобарзан (по-персидски — Ариобарзан; в английском языке используется греческая форма имени — Ариобарзанес).

Иранцы гордились своими победами, своей империей, тем, что когда-то владели половиной мира. Но почему именно Ариобарзан? Потому что он стал героем во времена поражения. Когда Александр [Македонский, царь Македонии, завоевавший Персидскую империю в 334–330 годах до н. э.] вступил в сражение с армией Ахеменидов [династии, основанной Киром Великим] и иранцы потерпели поражение в войне, среди их военачальников был один полководец, который не проиграл ни одного сражения. Ему приказали отступить, поскольку вся армия была разбита. Остальные направились в центральную часть Ирана, в провинцию Фарс. Но он поступил иначе — отправился на запад.

Чтобы вторгнуться в Иран, Александру необходимо было пройти через горы Загрос, по очень узкому ущелью, окружённому высокими горами. Оно существует и сегодня, на территории современной провинции Кохгилуйе и Бойерахмед. У Ариобарзана, насколько я помню, было около тысячи воинов. Он занял позиции в горах и стал ждать приближения армии численностью в десятки тысяч человек. И ему удалось остановить её продвижение. Предполагалось, что он сможет продержаться день, два, возможно, неделю. Но он удерживал позиции целый месяц, пока у его воинов не закончились копья, мечи, камни, горючие материалы — всё, что можно было использовать в качестве оружия. В конце концов Александр нашёл путь на вершину. Ариобарзан и его воины могли отступить в Персеполь [церемониальную столицу империи], но не сделали этого. С несколькими десятками оставшихся бойцов, уже безоружных, они бросились на вражескую армию с голыми руками, вступив в рукопашный бой. На каждого убитого воина Александра приходилось четверо или пятеро погибших персов. Вот что такое мужество.

Это напоминает историю имама Хусейна.

Да. Когда я говорю, что иранская национальная идентичность помогла иранцам принять шиитский ислам и почитание имама Хусейна, я имею в виду, что это произошло не в одночасье. У этого глубокие исторические корни. Иранцы гордятся

своими завоеваниями, но Ариобарзаном они гордятся ещё больше. История имама Хусейна гораздо масштабнее и имеет значительно более глубокое значение: его сторонники находились в подавляющем меньшинстве и были уничтожены армией Язида [Язид — второй халиф династии Омейядов].

«Это ничто по сравнению с тем, через что прошёл Хусейн»

Это почитание распространено среди всех иранцев, даже тех, кто не исповедует шиизм. У нас многочисленная суннитская община, представители которой также почитают имама Хусейна. Я лично знаю христиан, армян и представителей других меньшинств, которые выходят на улицы во время Мухаррама — ежегодного периода траура по имаму Хусейну. Они стоят вдоль улиц, плачут и раздают милостыню в его честь. Они говорят: «Мы не хотим принимать ислам, мы остаёмся верны своей религии, но мы любим Хусейна и Аббаса, его сводного брата. Для нас Хусейн подобен Иисусу Христу».

Мы увидели это и во время нынешней войны. Судя по всему, у американцев была ежедневная норма бомбардировок моего района на востоке Тегерана: в ходе обеих войн они наносили по нему удары по несколько раз в день, в результате чего погибло множество людей. После первых же ударов на место поспешили документалисты. К моему удивлению, они увидели владельцев разрушенных домов, которые стояли на улице и говорили: «Слава Богу, мы живы и невредимы. Это ничто по сравнению с тем, через что прошёл Хусейн. Мы всё восстановим и останемся здесь, пока не отстроим свои дома заново, во имя имама Хусейна». На протяжении многих лет во время ежегодных траурных церемоний эти люди говорили: «Как бы я хотел оказаться там, в Кербеле, в тот день, четырнадцать веков назад». Теперь они ощущают себя участниками событий в Кербеле и считают, что им представилась возможность воплотить это желание в жизнь.

В этом и заключается главное отличие. Именно поэтому Дональд Трамп смог похитить Мадуро [президента Венесуэлы Николаса Мадуро, захваченного американскими военными в январе 2026 года] и изменить ситуацию в Венесуэле, практически не понеся никаких издержек, тогда как в Иране его план провалился. Он полагал, что сможет повторить здесь то же самое. На протяжении последних двадцати лет я постоянно говорю об этом международным СМИ: вы считаете, что у вас есть специалисты по Востоку, что вы знаете историю имама Хусейна наизусть, но именно из-за наследия имама Хусейна вам не удаётся сломить сопротивление иранцев. Если вы это поймёте, то поймёте и то, почему терпите неудачу снова и снова. Вы не сможете добиться своего с помощью давления — будь то санкции или

войны. Пока вы не уничтожите нас всех, иранцы не подчинятся. Они усвоили уроки тысячелетней истории вторжений: всякий раз, когда они сдавались, от Ирана практически ничего не оставалось — страна теряла территории, а её население подвергалось массовым убийствам.

Атомная бомба: от табу к требованию

Люди также требуют более жёсткого ответа?

Многие выражают недовольство: «Почему мы не покажем им, на что способны? Давайте раз и навсегда положим конец зверствам Израиля и США». И всё настойчивее звучат требования создать атомную бомбу.

Какой процент населения сегодня поддерживает создание атомной бомбы?

Я не могу сказать точно. Для этого нужно изучить несколько надёжных социологических опросов, а не один или два. Но сейчас подобные настроения широко распространены далеко за пределами той части общества, которая поддерживает Исламскую революцию. Другие говорят: «Нравится нам это или нет, мы потратили огромные средства и заплатили высокую цену за нашу мирную ядерную программу, а нам всё равно не позволяют её развивать. По всей видимости, нам не оставили иного выбора, кроме как создать атомную бомбу». Никто не осмеливается напасть на Северную Корею. Сам Трамп говорил, что вынужден обращаться к северокорейскому лидеру со словами «Yes, sir», и что, если бы у Ирана была атомная бомба, ему пришлось бы относиться к нему совершенно иначе.

Иран никогда не стремился создать атомную бомбу. Существует фетва [религиозное постановление Али Хаменеи, запрещающее ядерное оружие], а позиция иранской элиты всегда заключалась в том, что нам оно не нужно. Атомные бомбы — это оружие XX века. В XXI веке используются методы гибридной войны, позволяющие избежать ответственности, — например, кибератаки или биологическая война. Мы не хотим прибегать к таким методам, но в любом случае эпоха ядерного сдерживания осталась в прошлом. Мы нанесли удары по Соединённым Штатам — государству, обладающему ядерным оружием, — и по Израилю, режиму, также располагающему ядерным арсеналом. Теорию ядерного сдерживания необходимо пересмотреть именно в свете того, как Иран противостоит этим двум государствам.

Фетва, запрещающая разработку ядерного оружия, была издана Али Хаменеи, занимавшим тогда пост верховного лидера Ирана, в середине 1990-х годов.

Однако ядерное сдерживание всё же способно обеспечить определённый уровень безопасности перед угрозой ядерного нападения. Именно об этом сейчас говорят иранцы, в том числе представители элиты и образованных слоёв общества: «Мы не хотели создавать атомную бомбу, но нам не оставили другого выбора. Если мы хотим раз и навсегда положить конец этому противостоянию, нам нужна бомба». Таков результат войны Соединённых Штатов против Ирана. Общественные настроения кардинально изменились: ещё два года назад значительная часть общества, включая даже сторонников Исламской революции, выступала против создания атомной бомбы. Теперь ситуация полностью изменилась на противоположную.

Сплочение вокруг национального флага

Когда вы говорите о сторонниках Исламской революции, о какой части населения идёт речь?

Достоверных данных нет. Но одно можно сказать с уверенностью: на вечерних массовых собраниях, особенно в первые месяц-два, по внешнему виду участников было заметно, что на улицы вышли представители всех слоёв общества. Многочисленные интервью, фотографии и видеозаписи свидетельствуют о том, что

среди участников были даже те, кто не соблюдает исламский дресс-код. Почему? Потому что они защищают свою страну. Они считают, что Соединённые Штаты и Израиль — враги не только Исламской Республики, но и самого Ирана.

То же самое происходит и за пределами страны, среди иранской диаспоры. После окончания 12-дневной войны многие иранцы начали возвращаться на родину. Кроме того, нападение, можно сказать, открыло глаза ещё одной части населения. Раньше эти люди по разным причинам обвиняли во всём Исламскую Республику, находясь под влиянием мощной медиаимперии оппозиции, в том числе таких каналов, как Iran International и BBC Persian [персоязычные телеканалы, базирующиеся в Лондоне], которые вели психологические операции.

За рубежом ведь существует множество персоязычных телеканалов, не так ли?

От 200 до 400, в зависимости от способа подсчёта. Это мировой рекорд, рекорд информационной войны. Эти каналы утверждали, например, что верховный лидер скрывается глубоко под землёй, в бункере на глубине 60 или 100 метров. Ему приписывали действия, которые совершал Нетаньяху, или заявляли, что он бежал из страны. Когда же верховный лидер погиб в своём рабочем кабинете, став мучеником, многие люди изменили своё отношение к нему. Они говорили перед камерами: «Нам рассказывали, что он прячется, а теперь мы потрясены известием о том, что он находился в своём кабинете и погиб мученической смертью». Я называю это эпохой прозрения.

Раньше в обществе существовали глубокие разногласия, но теперь люди готовы мириться с ними и объединяться под одним флагом. Благодаря этому расширился круг тех, кто поддерживает существующий строй.

Погибший верховный лидер всегда говорил: «Независимо от того, поддерживаете вы политическую систему или нет, участвуйте в выборах». Его мученическая смерть открыла путь к примирению: многие изменили своё отношение к Исламской Республике. Одним из свидетельств этого стал глубокий раскол в рядах оппозиции, возглавляемой монархистами Резы Пехлеви [сына последнего шаха Ирана, проживающего в США]. Теперь оппозиционеры конфликтуют друг с другом, причём разногласия существуют даже внутри самого монархического движения. Известные противники Исламской Республики, которые десятилетия назад нашли убежище в Европе и Соединённых Штатах, публично заявляют о желании вернуться на родину. Они начали осознавать, что утверждения, которые они повторяли на протяжении пятидесяти лет, — о том, что Исламская Республика вот-вот падёт, — были не более чем мифом, созданным ими самими.

Для меня это уже третья война. Первой была война против Саддама Хусейна [ирано-иракская война 1980–1988 годов], а до неё произошла Исламская революция. Реакция людей во всех этих случаях была одинаковой. Пятьдесят лет назад поколение того времени точно так же реагировало на революцию и войну с Саддамом Хусейном. Сегодняшняя молодёжь родилась 20–30 лет назад, выросла в современном мире, но ведёт себя точно так же.

То есть в последний раз подобное единство наблюдалось в стране в конце 1980-х годов, во время войны?

Именно так. Посмотрите на внутреннюю политику. В Иране всегда существовали два основных политических лагеря — реформаторы и сторонники Исламской революции. Те, кто находился вне власти, были готовы идти на крайние меры, чтобы отстранить от неё своих оппонентов. Политическая жизнь была построена на противостоянии двух лагерей. Но в последние полтора-два года мы этого не наблюдаем. Я часто говорю своим друзьям, что Пезешкиан [Масуд Пезешкиан, президент Ирана с 2024 года] — самый везучий президент в мире, потому что его никто ни в чём не обвиняет. Он реформатор и возглавляет правительство реформаторов, но даже сторонники Исламской революции не критикуют его, в том числе тогда, когда для критики есть основания. Все, включая средства массовой информации, говорят: давайте помогать ему всеми возможными способами. И это ещё один результат войны и политики Соединённых Штатов.

Каждый раз, когда иранские власти заявляют: «Мы не отступим от своих принципиальных позиций, Соединённые Штаты должны принять наши условия, но мы готовы к переговорам», многие критикуют такой подход, считая его неправильным. Однако он даёт важный результат: представители всех слоёв иранского общества получают ясное представление о том, что было сделано всё возможное, чтобы предотвратить войну. Теперь не осталось иного выхода, кроме сопротивления. Иначе они уничтожат и вас, и вашу страну.

Мучительное рождение нового мирового порядка

Иран удивил весь мир своей военной мощью и способностью одновременно противостоять США и Израилю, не так ли?

Мы даже сами себя удивили. Я слежу за военными вопросами и всегда считал, что однажды между США и Китаем начнётся война, в ходе которой китайцы покажут всему миру, что Соединённые Штаты уже не так могущественны, как прежде. Но я никогда не предполагал, что это сделаем мы, иранцы.

Вы наверняка читали статью Роберта Кагана в *The Atlantic*. Каган, один из ведущих идеологов неоконсерватизма, написал, что Соединённые Штаты потерпели крупнейшее стратегическое поражение в своей истории. Он назвал ситуацию шахом и матом и заявил, что Иран станет ведущей региональной державой. Третий раунд противостояния ещё впереди, но как, по вашему мнению, будут развиваться события? Каким будет Иран в роли региональной державы, как сложатся его отношения с арабскими странами и каково будущее Соединённых Штатов в регионе? И сможет ли Иран стать мировой державой?

В мире происходит переход власти от западной цивилизации к Востоку. Уже более десяти лет об этом говорят даже американские и европейские интеллектуалы. На мой взгляд, десятилетие с 2020 по 2030 год станет периодом этого мучительного рождения нового мирового порядка, сопровождаемого всё более многочисленными войнами. Тот, кто удерживает власть, — западная империя во главе с США — не намерен так просто её отдавать. Нас ждут войны и столкновения, особенно с набирающими силу державами — Россией, Китаем и Ираном. Именно поэтому я считаю, что в 2027 или 2028 году мы станем свидетелями той или иной формы войны против Китая.

И сами китайцы уже говорят об этом. Они готовятся.

Всё будет не так просто. Если мы согласимся с тем, что Соединённые Штаты потерпят поражение от Ирана, то станет очевидно, что противостоять Китаю они тем более не смогут. Поэтому они сделают ставку на гибридную войну, причём совершенно иного характера. У нас уже есть соответствующий опыт. Я полагаю, что они прибегнут к биологической войне и другим формам противостояния наряду с обычными военными действиями. Возможно, даже к ядерному оружию. В любом случае они сопротивляются происходящим изменениям, подобно тому как европейцы противостоят России.

После Ирана наступит очередь Китая. Я полагаю, что в 2027 году мы увидим распространение вирусов, подобных COVID-19. Соединённые Штаты не собираются так просто отказываться от своей власти. Трамп может симпатизировать Путину, но существует глубинное государство, которое ему неподконтрольно. Эти силы не позволят Путину и России так легко одержать победу по всем направлениям. Если им не удастся добиться своих целей военным путём, они прибегнут к биологическому оружию. То же самое касается Китая и самого Ирана. Я хорошо знаю американцев, их методы ведения гибридной войны, намерения и поведение глубинного государства. Наблюдаемая закономерность подсказывает мне, что, когда они почувствуют безвыходность своего положения и осознают поражение, то перейдут к асимметричным методам борьбы, к новым

формам ведения войны, включая применение биологического оружия. Масштабы кибератак также значительно возрастут — это будет уже совершенно иной уровень по сравнению с тем, что мы наблюдаем сейчас.

То же самое происходит и в сфере кибервойны. До 2010 года, до появления Stuxnet [компьютерного вируса, создание которого приписывают США и Израилю и который вывел из строя центрифуги иранской ядерной программы], мир сталкивался преимущественно с угрозами информационной безопасности, такими как кража промышленных данных и тому подобное. Stuxnet изменил ситуацию, положив начало кибервойнам между государствами. С тех пор все основные игроки наращивают свои возможности в этой сфере и вкладывают в неё средства в масштабах, о которых нам практически ничего не известно. Искусственный интеллект открывает новый этап во всех этих областях — от кибервойн до гибридных войн в самых разных их проявлениях.

Если бы мир не переживал сейчас переход власти от одних держав к другим, сопровождаемый подобными войнами, то, на мой взгляд, будущее определялось бы уже не нефтью и не ископаемым топливом, а искусственным интеллектом. Это был бы мир, разделённый на две категории — господ и рабов: тех, кто владеет программным обеспечением и аппаратной инфраструктурой искусственного интеллекта, и всех остальных. Сегодня одним из главных направлений противостояния между Западом и Востоком становится борьба за то, кто будет господствовать в сфере искусственного интеллекта в будущем. Уже формируются противоборствующие лагеря. Среди арабских стран Персидского залива Саудовская Аравия и ОАЭ решили присоединиться к лагерю США.

Катар также вкладывает в эту сферу огромные средства.

Огромные. И одна из сфер, в которых арабские страны Персидского залива уже потерпели поражение, — это искусственный интеллект, поскольку они слишком сильно полагались на Соединённые Штаты. Пока мы говорили о двух войнах, но третья ещё впереди. В ходе третьей войны следующими целями станут центры обработки данных. Это одна из сфер, в которых эти страны и Израиль понесут потери. И это чрезвычайно важно.

Если бы Байден оставался президентом, Соединённые Штаты занимали бы более жёсткую позицию по отношению к Путину.

Безусловно. С Дональдом Трампом ситуация иная: он слишком часто играет на стороне Путина.

Но разве это не может быть стратегическим расчётом? Люди из окружения Трампа ещё до выборов говорили, что война против России была ошибкой, поскольку Россия не является главным противником США. Возможно, Трамп стремится прекратить эту войну, чтобы сосредоточиться на противостоянии с Китаем.

Несомненно, Иран является главным идеологическим противником Соединённых Штатов, а Китай — главным экономическим соперником. Но невозможно контролировать всё: иногда войны вспыхивают сами по себе. Или, например, Россия может осознать, что над ней нависла непосредственная угроза. Возможно, российское руководство провело соответствующие расчёты и пришло к выводу: если мы предпримем определённые действия сейчас, то сможем избежать войны против нас в будущем. Давайте ослабим противника, пока не стало слишком поздно. Ведь они не стали бы вступать в полномасштабную войну, как это было в истории с Крымом.

После десятилетия войн в мире не останется ни одной сверхдержавы: потенциал всех ведущих держав будет истощён. Однако центр силы сместится на Восток. Новый мировой порядок, который начнёт формироваться, вероятно, после 2030–2032 годов, будет определяться региональными и международными объединениями, такими как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которые станут противовесом западным структурам — «Большой семёрке» (G7), НАТО и ОЭСР. Когда-то центральное место занимала Мюнхенская конференция по безопасности [ежегодный международный форум по вопросам безопасности, проходящий в Германии]. Теперь всё большее значение и авторитет приобретает её конкурент — Петербургский форум. Я присутствовал на последнем таком мероприятии. Сверхдержав больше не будет, а новый мировой порядок станут определять именно эти объединения.

Большинство мыслителей считают, что в мире будут четыре крупные державы, хотя ни одна из них не станет сверхдержавой: Китай, Индия, Россия и Иран. Если они будут действовать сообща, то смогут заложить основы нового мирового порядка. Если же начнут противостоять друг другу, во всём мире воцарится хаос.

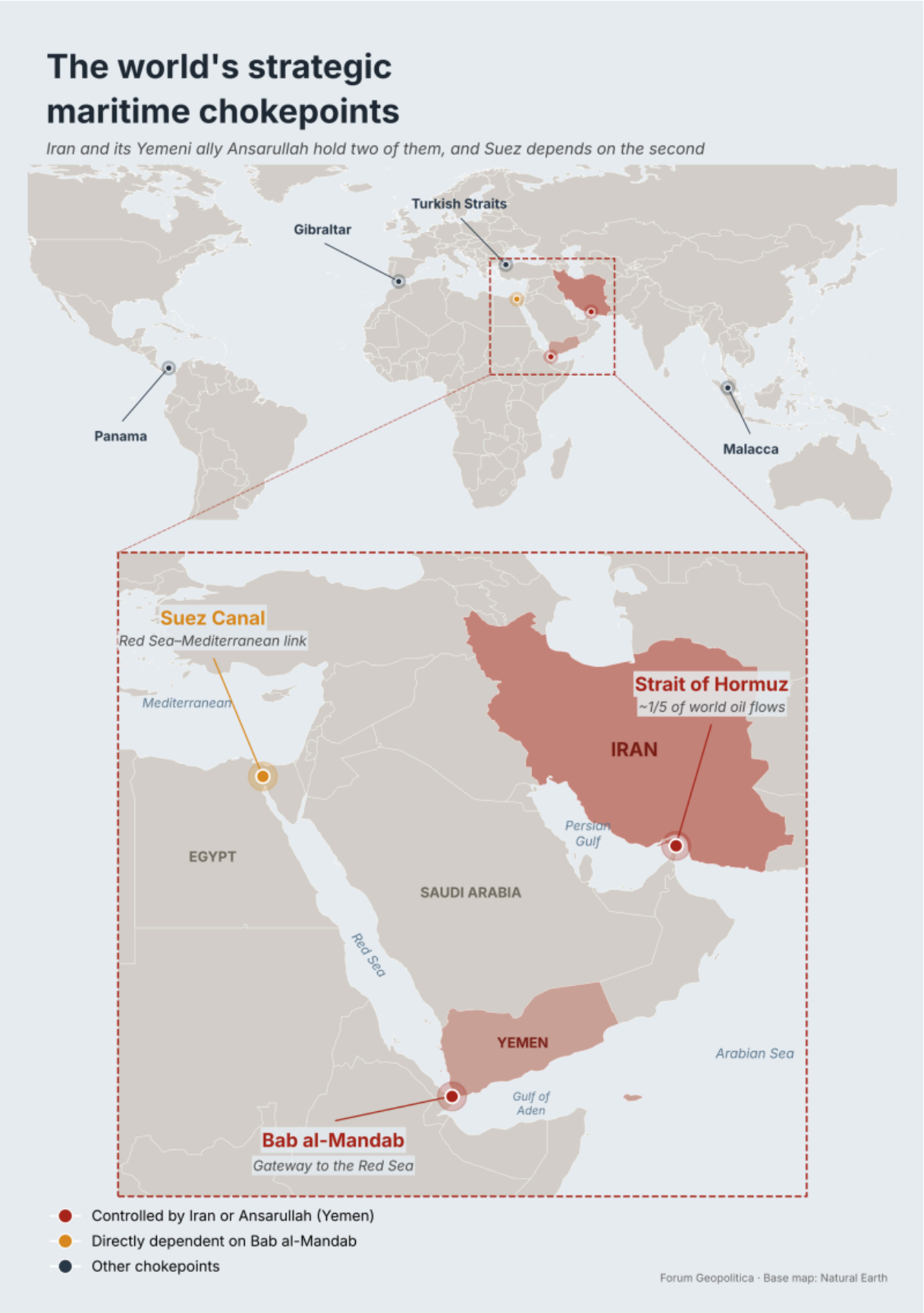
Четыре державы и семь стратегических узких мест

Интересно, что все четыре страны входят в БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества.

Да. Между Китаем и Индией существуют серьёзные разногласия, но обе страны участвуют в БРИКС, поскольку осознали важность такого сотрудничества. Но почему Иран должен быть в числе этих четырёх держав? В экономическом отношении он не может сравниться с остальными тремя. В военном плане Китай и особенно Россия значительно превосходят Иран. Причина заключается в том, что делает Иран уникальным, — в «Оси сопротивления», действующей как на суше, так и на море.

На суше это рынок с населением от 400 до 500 миллионов человек, расположенный в одном из наиболее стратегически важных регионов планеты — в самом сердце мира, Западной Азии. Этот регион обладает огромными запасами энергоресурсов и полезных ископаемых, здесь зародились древние цивилизации и религии, здесь пересекаются пути, связывающие север с югом и восток с западом. В ближайшие 10–20 лет любому, кто захочет вести бизнес или установить новый мировой либо региональный порядок, придётся сотрудничать с Ираном. И всё благодаря «Оси сопротивления», которая выдержала испытание временем.

Морские пути имеют ещё большее значение. В мире существует семь стратегически важных узких мест на морских маршрутах, в том числе Панамский и Суэцкий каналы, Малаккский, Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы. Их значение объясняется тем, что большая часть мировой торговли и переброски вооружённых сил осуществляется по морю. Эти кратчайшие маршруты влияют на сроки доставки, транспортные расходы, стоимость страхования и связанные с перевозками риски. Ни одна из таких держав, как США, Китай, Россия, Индия, Германия или Франция, не контролирует все семь этих стратегических точек. Что касается Малаккского пролива, то лично я считаю, что если там вспыхнет война, то её причиной станет не Тайвань, а борьба за контроль над проливом. Тот, кто будет контролировать Малаккский пролив, получит контроль над рынками и экономиками Юго-Восточной Азии.

Именно поэтому Соединённые Штаты так активно наращивают своё военное присутствие на Филиппинах. Раньше у них было пять военных баз, теперь — девять. Одним из первых решений Бонгбонга Маркоса [Фердинанда Маркоса — младшего, президента Филиппин с 2022 года] после избрания стало предоставление американцам доступа ещё к четырём военным базам.

Именно так. Иран контролирует Ормузский пролив, через который проходит треть мировых поставок энергоресурсов. Даже если Соединённые Штаты перестанут быть сверхдержавой, Китаю по-прежнему потребуется получать нефть через этот пролив, а значит, он будет нуждаться в Иране.

Другой стратегически важный пролив — Баб-эль-Мандебский, находящийся под контролем движения «Ансар Аллах» [движение хуситов, управляющее северной частью Йемена], которое входит в «Ось сопротивления». Баб-эль-Мандебский пролив, Красное море и Суэцкий канал представляют собой единую транспортную артерию, подобную трубе: всё, что входит с одного конца, выходит с другого. После того как «Ансар Аллах» перекрыл Баб-эль-Мандебский пролив в ходе войны, начавшейся с операции «Потоп Аль-Аксы» [наступления ХАМАС против Израиля 7 октября 2023 года], египетские власти трижды за один год публиковали отчёты, в которых сообщали о сокращении доходов от Суэцкого канала и объёмов судоходства на 60%. Таким образом, Иран, возглавляющий «Ось сопротивления», контролирует как минимум два с половиной стратегически важных морских пролива.

Ещё несколько лет назад это убедило меня в том, что Соединённые Штаты рано или поздно вступят в войну с Ираном — помимо всех прочих причин, включая Израиль. Американцы не могут смириться с таким положением дел, особенно на фоне обострения противостояния с Китаем из-за Малаккского пролива и ситуации вокруг Панамского канала, где работают китайские операторы. Они никогда не оставят вас в покое и рано или поздно вступят в противостояние. Иран станет одной из ведущих мировых держав, если сумеет сохранить контроль над этими морскими путями. Пока и Иран, и «Ансар Аллах» доказали, что способны на это. Мир нуждается в вас сегодня и будет нуждаться в вас завтра. Закрытие Ормузского пролива нанесло ущерб экономикам всех стран. И даже если пролив откроется сегодня, во всём мире уже исходят из того, что высокие цены на нефть сохранятся ещё как минимум два года. В ближайшие месяцы нас ожидает ещё более тяжёлая экономическая ситуация.

Я читал письмо Али Акбара Велаяти [министра иностранных дел Ирана с 1981 по 1997 год и с тех пор советника верховного лидера по международным вопросам], адресованное новому верховному лидеру [Моджтабе Хаменеи, сыну Али Хаменеи, избранному на этот пост в марте 2026 года]. В нём Велаяти предложил создать исламский полюс силы во главе с Ираном, опирающийся на стратегическое партнёрство с Россией и Китаем и включающий «подлинно неприсоединившиеся» страны, такие как ЮАР, Бразилия и Куба. В апреле он

назвал эту концепцию «третьим полюсом» мирового порядка. Разделяете ли вы такое видение? Я думаю в том числе об аудитории в Латинской Америке и Африке. Найдётся ли в этом новом миропорядке место и для нас?

Не совсем. Моя точка зрения несколько отличается. Я считаю, что по мере усиления влияния Китая, России, Ирана и даже Индии в рамках БРИКС к этому объединению будут присоединяться всё новые страны. По мере того как доллар будет терять свою стоимость и долю в мировой экономике, всё больше государств, в том числе стран Латинской Америки, почувствуют себя свободнее в принятии самостоятельных решений. Они будут выстраивать экономические и политические отношения с Россией, Китаем, Ираном и даже Индией — в зависимости от того, какую политику Индия будет проводить в будущем, — и присоединяться к БРИКС.

Но это произойдёт не в ближайшие несколько лет. После десятилетия столкновений и войн все страны будут ослаблены, а в мире воцарится хаос. Затем начнут формироваться региональные объединения. Страны Латинской Америки создадут собственное объединение, поскольку у них есть общие интересы и они сталкиваются с общими угрозами. Одновременно возрастёт значение БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества, поскольку возникнет вакуум власти, а часть мира освободится от господства Запада. Миру потребуется новый порядок, но он уже не согласится на систему, подобную той, что сложилась после Второй мировой войны, — западный миропорядок, разделяющий страны на господ и подчинённых. Каждая страна получит более значимую роль, хотя ведущие позиции по-прежнему будут занимать четыре крупные державы.

Ормузский пролив — мощнее атомной бомбы

А как будут складываться отношения с арабскими странами?

Иран очень заинтересован в укреплении единства мусульман и стремится поддерживать дружественные отношения с арабскими странами. Ведь у Ирана есть приоритетная задача — одержать победу над главными противниками, Израилем и Соединёнными Штатами. Поэтому он не заинтересован в конфликтах с другими государствами. Мы считаем, что принцип «разделяй и властвуй» всегда лежал в основе британской политики. Британцы разделили нас, раскололи умму [мировое сообщество мусульман, объединённых общей верой независимо от государственных границ].

Но это не происходит в одночасье — процесс проходит несколько этапов. Что касается арабских стран Персидского залива, то первый этап заключается в том, чтобы одержать победу в этой войне и сохранить контроль над Ормузским

проливом, который Иран всегда контролировал. Этот контроль станет инструментом для переосмысления геополитических, стратегических и добрососедских отношений, поскольку он представляет собой оружие, в миллионы раз более мощное, чем атомная бомба. С помощью атомной бомбы можно нанести удар по одной стране один раз. А с помощью Ормузского пролива можно многократно оказывать воздействие на всю планету. Со времён Второй мировой войны никому не удавалось оказывать столь значительное влияние на доходность американских облигаций, цены на нефть и инфляцию в США.

Иран не собирается использовать это оружие для колонизации этих стран, а намерен с его помощью выстроить отношения с ними на новых принципах. Что это означает? Соединённые Штаты — наш противник, который напал на Иран, используя территории этих стран в качестве плацдарма. Следовательно, там не должно быть американских военных баз. Израиль тесно сотрудничает с ОАЭ и некоторыми другими государствами, даже с Саудовской Аравией. Иран хочет положить конец израильскому присутствию в этих странах. После того как эти государства продемонстрируют, что не представляют угрозы для Ирана, можно будет выстроить равноправные, прочные и здоровые отношения. Ведь у нас есть общие угрозы и общие противники.

Откуда мы знаем, что события будут развиваться именно так? При президенте Раиси [Эбрахим Раиси, президент Ирана в 2021–2024 годах] министр иностранных дел Амир-Абдоллахиян [Хосейн Амир-Абдоллахиян, погибший вместе с Раиси в авиакатастрофе в мае 2024 года] два-три года назад выступил с инициативой создания регионального форума по вопросам безопасности и диалога с арабскими странами. В него должны были войти шесть арабских государств Персидского залива, а также Иран и Ирак — так называемый формат «шесть плюс два».

Идея заключалась в том, чтобы страны региона взаимно гарантировали безопасность друг друга без участия внерегиональных держав. Иран предпринял первые шаги в этом направлении ещё до войны. Это свидетельствует о его намерении восстановить отношения с арабскими государствами, но лишь после того, как они откажутся от сотрудничества с Израилем и Соединёнными Штатами и перестанут позволять «Моссаду», ЦРУ и другим спецслужбам использовать свою территорию для нападений на Иран. Невозможно бесконечно воевать со всеми. У нас есть чётко определённая цель и ясный план на будущее.

Вы ведь готовились к этому десятилетиями, не так ли?

На протяжении десятилетий мы готовились к этой войне и к борьбе за контроль над Ормузским проливом, поскольку знали, что рано или поздно это произойдёт. Если не сейчас, то через двадцать лет.

Бюджет Пентагона в сто раз превышает военный бюджет Ирана. Если исходить из соотношения военных и экономических сил, они должны были разгромить Иран в первые же несколько дней. Почему же им это не удалось? Это удивляет всех, и дело не только в методах асимметричной войны, которые мы давно применяем. Сила не всегда означает правоту.

Шариати и факел Кербелы

И в завершение — об Али Шариати (1933–1977), фигуре, малоизвестной за пределами Ирана. Иранский социолог и мыслитель, он увлечённо читал Карла Маркса, переводил труды Франца Фанона и вёл с ним интеллектуальный диалог, дружил с Жан-Полем Сартром, с которым подолгу дискутировал. Какое влияние он оказал на исламское революционное движение и на формирование особого мировоззрения, связанного с образом имама Хусейна и идеей сопротивления?

Он сыграл важную роль, но этот процесс продолжается уже четырнадцать веков. Со времени мученической гибели имама Хусейна его наследие подобно факелу, который передаётся из поколения в поколение, от одного человека к другому, независимо от того, мыслитель это или обычный гражданин. Когда этот факел оказался в руках Али Шариати, ему удалось пробудить революционный дух имама Хусейна в целом поколении, находившемся под влиянием двух трактовок ислама — традиционной и революционной. Последнюю представляли Шариати и имам Хомейни [лидер Исламской революции 1979 года и первый верховный лидер Ирана (1902–1989)].

Между Шариати и революционно настроенным духовенством существовали разногласия, но они не были принципиальными. Шариати считал, что революционный ислам не нуждается в столь значительном руководстве со стороны духовенства, тогда как революционное духовенство выступало за сохранение религиозной иерархии. Однако они стремились к одной цели, и именно это отличало их от традиционного религиозного истеблишмента. Многие молодые люди изменили своё восприятие ислама: они перестали видеть в нём лишь традиционную религию, основанную на обрядах и обычаях, и стали воспринимать его как революционное мировоззрение.

Шах [Мохаммед Реза Пехлеви, правивший Ираном с 1941 по 1979 год] говорил о двух угрозах — красной и чёрной: коммунистах и революционном шиитском исламе. Навваб Сафави [священнослужитель, основатель вооружённой организации «Федаиян-е Ислам», казнённый в 1956 году] взялся за оружие для борьбы с режимом и представлял для шаха непосредственную угрозу. Шариати же

представлял более глубокую и долгосрочную угрозу, поскольку вместо оружия он взял в руки перо. Власти боялись его книг и особенно его выступлений в «Хосейнийе Эршад» [религиозно-культурном центре на севере Тегерана, закрытом шахским режимом в 1972 году].

Каждый, кто изучает историю имама Хусейна, выходя за рамки её земных, физических страданий — жажды, обезглавливания, — находит в его образе глубокий смысл, проявляющийся в самых разных сферах жизни. Даже коммунист [Хосров Голсорхи, поэт и журналист, расстрелянный в 1974 году], которого судил один из военных трибуналов шахского режима, признался, что на него оказали влияние мученическая смерть имама Хусейна и идеалы справедливости имама Али [двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, первого шиитского имама]. Заседание суда транслировалось по телевидению, чтобы запугать население. Однако произнесённая Голсорхи фраза навсегда осталась в памяти людей: «Я предпочту умереть героем, чем жить в унижении».

Кербела — это не просто траур и религиозные обряды, это образ жизни. Достаточно прочитать предсмертные письма наших мучеников: почти в каждом из них так или иначе упоминается Кербела. Реза-шах [отец Мохаммеда Резы Пехлеви и основатель династии Пехлеви, правивший с 1925 по 1941 год] запретил траурные обряды Мухаррама. При его сыне САВАК [политическая полиция шахского режима] допускала проведение этих церемоний, но пресекала любые выступления, затрагивавшие идеи революционного ислама.

В такой обстановке говорить об имаме Хусейне как о символе революционной борьбы, как это делал Шариати, требовало мужества. Того самого мужества, которым обладал сам имам Хусейн.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Интервью Иран Хаменеи, аятолла Али Трамп, Дональд БРИКС